АНТРОПОЛОГИЯ

Л. Н. Арбачакова

СКАЗИТЕЛЬ И СОБИРАТЕЛЬ ЭПОСА¹

В данной статье на примерах рукописных текстов героических сказаний и самозаписей *кайчи* рассматривается собирательская деятельность фольклориста и исполнение эпоса в домашней обстановке. Исполнение сказания у себя дома — ситуация для *кайчи* прямо противоположная общепринятой традиции, когда следовало почетное приглашение и исполнение *алыптыг ныбак* в кругу друзей и односельчан, которые великолепно знали эпическую традицию *кая*.

Сказителям была важна настоящая аудитория, эпическая среда, поддерживающая его в пути за алыпом. В случае одного собирателя-слушателя-гостя, *кайчи* больше как гостеприимный хозяин лично его благодарил, благословлял и одаривал удачей алыпа. Некоторые сказители (А. П. Напазаков) в присутствии одного собирателя или в самозаписях (В. Е. Таннагашев), вовсе упускали обращение к слушателям.

В своем помещении сказители, отвыкнув от исполнения *кая*, чувствовали себя стесненным, долго настраивались и были вынуждены исполнять один эпос с утра до обеда, иногда до вечера, если они никуда не спешили. Однако, благодаря доверительному общению со сказителями в домашней обстановке, нам удалось прояснить некоторые темные места текстов, выяснить значение архаичных слов и выражений.

Иногда собиратель мог вносить изменения в названия эпических произведений, а сказители, стараясь не обидеть в своем доме гостя, соглашались с мнением записывающего о переименовании сказания.

Исполняя *алыптыг ныбак* для одного слушателя-собирателя в дневное время, сказители по разным причинам (настроение, спешка, приезд гостей и т. д.) сокращали исполнение, что, несомненно, сказывалось и на качестве содержания эпоса. В. Е. Таннагашев неоднократно сообщал, что из-за ограниченного времени он вынужден сокращать сказания, либо сказывать устным речитативом.

Исполняя сказания в искусственной обстановке, специально для собирателя, *кайчи* оказавшись вне эпической среды, не чувствовали себя в единении со своими слушателями, что сказывалось на ремарках сказителей, на традиционной поэтике сказаний.

Ключевые слова: героическое сказание, сказитель, слушатель, собиратель, исполнение, самозапись, фонозапись.

Вводные замечания

Первые записи и публикации устно-поэтического творчества шорцев были сделаны во второй половине XIX века ученым-тюркологом В. В. Радловым (Радлов, 1866), В. И. Вербицким (Вербицкий, 1893). В 1920–1930-е годы XX века известный ученый-этнограф Н. П. Дыренкова (1899–1941) записала от талантливых *кайчи* Горной Шории более сорока произведений героического эпоса, из которых шесть сказаний, одна сказка, мифы, преда-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

ния, песни и шаманские заклинания вошли в ее книгу «Шорский фольклор» (Шорский фольклор, 1940).

С 1960 по 1990-е годы XX в. сбором, изучением и публикацией образцов фольклора шорцев занимались ученые А. И. Чудояков (Чудояков, 1995; Шорские героические сказания, 1998), Д. А. Функ (Функ, 2005) и др. С середины 1980-х гг. анализом музыкального фольклора шорцев занималась Р. Б. Назаренко (Назаренко, 1998). Это направление продолжает сегодня музыковед Г. Б. Сыченко, посвятившая ряд своих исследований музыкальной традиции шорцев, в том числе и в плане сравнения с другими тюркоязычными народами Южной Сибири (Сыченко, 2010).

С 1994 по 2008 гг. Л. Н. Арбачаковой совместно с новосибирскими музыковедами проводилась в районах Северной и Южной Шории регулярная работа по аудио- и видеофиксации различных жанров фольклора, в том числе и героического эпоса. От трех *кайчи*: А. П. Напазакова (1937–2004), А. В. Рыжкина (1924–2005), В. Е. Таннагашева (1934–2007) было записано 32 героических сказания. Эти записи оцифрованы и хранятся в архиве сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (г. Новосибирск) (Фольклор шорцев, 2010).

Современных исполнителей можно различать по манере исполнения *каем* — *кайба ысчитқан кайчи* 'сказитель, исполняющий горловым пением', а речитативных исполнителей — *чооқпа ысчитқан кайчи* 'сказитель, исполняющий говором'. Большинство современных представителей мрасской сказительской школы сами себя называли *кайчи* (В. Е. Таннагашев, А. В. Рыжкин, М. К. Каучаков). А. П. Напазаков — исполнитель из села Чувашки, считал себя *ныбакчи*, так как повествование вёл без горлового пения и музыкального инструмента, но активно прибегал к использованию мимики и жестикуляции. Подобный вид исполнения хакасский фольклорист В. Е. Майногашева называет «...чазаг (т. е. «пеший»)» (Алтын Арыг, 1998).

К сожалению, к концу XX века в народной среде стал угасать интерес к сказительскому искусству. *Кайчи* перестали быть востребованными, изредка их приглашали на большие народные праздники, которые проводились в селе Чувашка или в городе Междуреченск, где они могли исполнить лишь небольшие отрывки сказаний.

Но вместе с тем к народным *кайчи* стали проявлять интерес новосибирские ученые-музыковеды (Р. Б. Назаренко, Г. Б. Сыченко), фольклористы (А. И. Чудояков, Л. Н. Арбачакова), лингвисты (Н. Курпешко), этнографы (Д. Функ). В 2001 году к В. Е. Таннагашеву и А. П. Напазакову приезжали алтайские ученые (руководитель Т. М. Садалова), которые записали на диктофон одно сказание «Ақ Ылеңме Көк Ылең» (копия аудиозаписи сказания Ак Олен и Кёк Олен).

Исполнение кайчи для одного слушателя-собираателя

В условиях специального интереса исследователей к сказительскому искусству и отсутствия интереса слушателей, а также для проведения качественной аудиозаписи собиратель-исследователь записывал исполнение эпоса в домашней обстановке. Присутствие фольклориста могло помочь сказителю определиться с выбором героического сказания для исполнения. Например, в нашей практике В. Е. Таннагашев перед исполнением мог перебирать сказания, называл имена сказителей для того, чтобы мы могли сами что-то выбрать.

Исполнение сказания у себя дома — ситуация для *кайчи* прямо противоположная общепринятой традиции, когда следовало почетное приглашение и исполнение *алыптыг ныбак* в кругу друзей и односельчан, великолепно знавших сказительскую традицию *кайчи*.

С 1996 года, будучи в гостях у В. Е. Таннагашева, я записала на диктофон в его квартире (вместе с вариантами) 27 героических сказаний. В данной ситуации, когда *кайчи*

являлся хозяином дома, а записывающий — его гостем, он был приветлив, гостеприимен. Вместе со своей женой они обязательно готовили угощение, сказывал он только после сытного обеда. Другой *кайчи* А. В. Рыжкин в первый день знакомства не хотел исполнять *кай*, но по совету своей жены Н. Г. Рыжкиной, которая сказала: «*қайлап-перзең!*» (покайларь им!), он решил покайларить свое любимое сказание «*Эргек пажы Қаан Эргек*» (зап. 1995 г.). После личного знакомства с алыпом он объяснил причину появления в его доме: *По Люба келепер, — тедим, — / Ол мени не, ыстырча* «Эта Люба пришла, — сказал, — Теперь меня отправляет...» (копия аудиозаписи сказания «*Эргек пажы Қаан Эргек*»).

В. Е. Таннагашев обычно пред исполнением спрашивал: *кайдыг ныбак ысперерге?* «Какое сказание отправить?» Затем, остановившись на каком-нибудь конкретном сказании, начинал исполнять. В том случае, когда В. Е. Таннагашев куда-то спешил, себя неважно чувствовал или получалось так, что мы приезжали внезапно, он исполнял самое короткое *пир чоллыг* «с одной дорогой» сказание «Ак Кан». По этим причинам сказание записывалось 4 раза.

В процессе разговора он расспрашивал у нас о знании родного языка, об *алыптыг ныбак* и т. п. В результате этого общения, на мой взгляд, сказитель ставил перед собой задачу исполнения *кай* для неподготовленной аудитории. Она отличалась от исполнения в кругу своих сородичей, с детства в себя впитавших и знавших эпическую традицию. Он сожалел о том, что молодежь не знает родного языка, не интересуется эпосом, что у него нет учеников, поэтому он думал о записях эпоса, чтобы «оставить своим *потомкам кай ныбак*» (из личного разговора со сказителем). В домашней обстановке *кайчи*, на наш взгляд, чувствовал себя стесненным, так как ему приходилось исполнять не как обычно в вечернее и ночное время, а днём. Он старался исполнить сказание до вечера, ведь и нам нужно было успеть на последний автобус, чтобы доехать до Междуреченска, расположенного в 50 км от Мысков. Все эти обстоятельства, возможно, сказались не только на манере его исполнения, но и на сюжете и размере *алыптыг ныбак*.

По мнению С. А. Миненок, в помещении собиратель автоматически воспринимается гостем, человеком из внешнего мира в «своём», домашнем пространстве рассказчика, тогда как «при записи вне дома исполнители, как правило, легче вступают в контакт и воспринимают его равным себе (в психологическом отношении) собеседником» (Миненок, 1998: 181).

Алтайская исследовательница З. С. Казагачева отметила, что А. Калкин «предпочитал сказывать эпос вне дома, когда он не обременен заботами о внуках, домашним хозяйством, гостями. Будучи свободным, он был расположен к обстоятельной беседе, содержательным пояснениям в момент исполнения сказания...» (Казагачева, 2002: 61).

Из-за ограниченности по времени сказитель сказывал эпос речитативом, без *кай* и *комуса* (из 27 сказаний с вариантами 17 было записано с *каем* и *комусом*, остальные — устным речитативом). Об этом он сам говорил после речитативного исполнения «Чаш Салгына»: *кайлапкел ыссан, на всю ночь хватило бы* «если бы исполнял только *каем*, то на всю ночь хватило бы».

Обычно перед сказыванием *кайчи* долго настраивались. Например, сказитель А. В. Рыжкин в зачине сказания «Алтын Кан» сказал, что он *давно чөрбедим* «давно не ходил». Видимо, отвыкнув от исполнения *алыптыг ныбак*, прежде чем начать *кай*, он трижды прерывался, говоря: «я не могу, Люба, *қай шықпанча*» «горловое пение *кай* не выходит! / не идет!». Затем, настроившись, А. В. Рыжкин все же исполнил сказание «*Эргек пажы Кан Эргек*». О своем присутствии в эпосе *кайчи* заявил сразу же в зачине, затем — по ходу исполнения, и в концовке (копия аудиозаписи сказания «*Эргек пажы Кан Эргек*»).

Фольклористы, записывающие эпос, отмечали, что сказители чувствуют себя некомфортно в искусственной обстановке записи: «будто отделены от “своей” привычной аудитории, исполняют эпос без особенной охоты и увлечения. Нередко им было трудно

сосредоточиться на исполнении. Есть основание думать, что полученные таким образом тексты далеко не всегда адекватны тем, какие можно было бы услышать при “естественном” исполнении ...Непривычная для сказителя «ситуация исполнения без публики... в последних частях записи привела к шероховатостям в содержании и стиле» (Путилов, 1997: 117).

Записи эпоса в домашней обстановке

Кроме минусов, сказывающихся на исполнении сказаний и на их объёме в домашней обстановке, есть и положительное в этом. Аудиозаписи героических сказаний в квартире сказителя, на наш взгляд, помогают сказителю на правах хозяина проявить к собирателю гостеприимство, общительность. В случае доверительного общения можно узнать от него много интересного, связанного со сказителями, сказаниями, шаманами и т. д. Например, в процессе общения сказитель мог дополнять упущенные моменты в эпосе, уточнить переводы имен или вспомнить о других сказаниях. Так, после исполнения сказания «*Чаш Салгын*» В. Е. Таннагашев вспомнил про другие длинные сказания («*Сыбазын Оолақ*», «*Алып Көйгөк*»), которые он не очень хорошо помнил (копия аудиозаписи сказания «*Чаш Салгын*»).

В результате моего длительного общения с В. Е. Таннагашевым он чувствовал себя со мной более раскованно и мог шутить. Однажды, исполняя сказание «*Алтын Тайчы*» (запись 1996 г.), в «общем месте» «Выход невесты» *кайчи* был в приподнятом настроении и, описывая платье, пошутил: *Соонга эдегин ноо, қырбан чабынсалтырлар. / Алында эдеги киндикка төдөнче ле* ‘Подол сзади поперек был прикрыт, Подол спереди до пупка подвернут’. Затем рассмеявшись, сказитель сказал: *эзе, қазық ноозы ба? / Алтын Тайчы ол киндиги алтын көрбодурча* ‘эзе, здорова ли эта? Алтын Тайчы стал разглядывать то, что было ниже пупка’ (рукопись сказания «*Алтын Тайчы*»).

В процессе сказывания В. Е. Таннагашев иногда внезапно останавливался, чтобы расспросить о каком-нибудь шорском слове, которое редко употребляется в быту. Получив утвердительный ответ, он продолжал исполнять, когда мы не знали слова — переводил.

Как правило, после завершения сказания, мы спрашивали у сказителей о непонятных словах. Например, из его уст мы выяснили о разных видах панциря-куйак: «были *куйак* просто так пластинами, а есть *палық қастрықтығ алтын қуйақ* ‘золотые панцири в виде рыбьей чешуи’, это значит складками; *илчербе қуйақ* — из цепочек».

В 2001 году В. Е. Таннагашев перед исполнением сказания «*Кара Кан*» сказал, что знает очень длинные сказания, такие как «*Алтын Кёжеге*», которое исполнялось три дня и три ночи, а он может исполнить нам за одну ночь лишь небольшой отрывок. Кроме этого, во время беседы с ним выяснилось, что другое сказание, «*Ат кезиги Өктемеш сар аттығ эр кезиги Өктемеш Мөкке*» (зап. 2000 г.), которое В. Е. Таннагашев слышал от Акмета (А. И. Абакаев), было перенято А. И. Абакаевым от хакасских *кайчи* (рукопись сказания «*Кара Кан*»).

Мы заметили, что сказители, оставшиеся без слушателей, часто ошибались, войдя не в то сказание. Например, во время музыкального исполнения сказания «*Қазыр Салгынма Қара Салгын*» (Казыр Салгын и Кара Салгын) В. Е. Таннагашев внезапно остановился, очень переживал и, видимо, прося прощения у духов за ошибку, несколько раз постучал по *комусу*. Оказывается, он вошел в другое сказание и тут же попутно признался: *Мен сага поверхносно қайлап... Если по правилам ыссам, мы все нөчъ сидели бы* ‘Я тебе поверхносно кайлаю... Если по правилам буду отправлять, мы всю ночь сидели бы’.

На объем текста влияло не только душевное и физическое состояние сказителя, но и другие факторы, например, во время аудиозаписи сказания «*Алтын Эргек*» к А. В. Рыжкину приехал сын из Хакасии, поэтому он предупредил, что исполнит сокращенно: *Мен слерге ам*

пересказывать эткел..., а то рақ парарым 'Я вам вкратце перескажу, а то далеко уйду'. По завершении сказания А. В. Рыжкин обычно говорил: *Ам тоқтатчам* 'Сейчас останавливаю'.

Доверительное отношение сказителя ко мне помогло нам выявить упущенные моменты эпоса, уточнить переводы трудных слов. Сказитель неоднократно сообщал, что из-за ограниченного времени он вынужден сокращать сказания, либо сказывать устным речитативом. Во время перерыва сказитель любил рассказывать удивительные истории про своего учителя П. Н. Амзорова, а также о других сказителях и шаманах. Наиболее интересные предания вошли в том «Фольклор шорцев» (Фольклор шорцев, 2010).

Обращение к слушателям (читателям)

Раньше сказители в конце исполнения некоторых героических сказаний могли обратиться к своим слушателям, деля между ними удачу и счастье хана. В нашем случае, когда сказитель сказывал для одного человека, исполнял благопожелание и благодарил от себя лично меня. Например, после завершения сказания «Кёк Торчук», он благословил собирателя: *Мени одур уққан Любаша, / Чайанның мөзүк ползун, / Чажсын узақ ползун* 'Меня сидя слушавшая Любаша / Пусть твой дух высоким будет, / Жизнь твоя долгой будет!' После эпической формулы о добыче хана, В. Е. Таннагашев обратился с благодарностью ко мне-собирателю: 'Меня сидя слушавшей Любаше / Великое благодарение мое!' *Мени одур уққан Любашаға, / Улуғ алғыш ползун!* (рукопись сказания «Кёк Торчук»).

Однажды в конце исполнения сказания «Кара Кан» (зап. 1999 г.) *кайчи* горловым пением *каем* поблагодарил слушателей, но устно не стал пересказывать.

А. В. Рыжкин в конце исполнения обратился ко мне и фотографу с просьбой, чтобы мы не обижались на него: «Паза обижать этпе, Люба, Саша, не обижайтесь! Сколько есть, столько рассказал вам. На этом конец!» (аудиозапись сказания «Алтын Эргек»).

Другой представитель мрасской сказительской школы А. П. Напазаков в сказании «*Тазыл аразыңнаң чайалғаннар Қара Сабақ печелиг Қаан Мерген туңмалығ*», после краткой двухстрочной концовки: *Узун теп, узарбадым, / Қысқа теп, қысқатпадым* 'Говоря, длинное — не укорачивал, / Говоря, короткое — не удлинял', исполненной *кайчи*, мы заинтересовались у А. П. Напазакова, знает ли он об эпизоде 'прощания алына со своим конём', которого, как правило, в конце сказания отпускают на волю. *Кайчи* ответил утвердительно. По словам *кайчи*, зная, как традиционно заканчиваются героические сказания, сам он не придерживается такого классического завершения. Не исключено, что, сказывая в кругу многочисленных сородичей, Н. А. Напазков мог использовать это обращение к своим слушателям. На краткую концовку, видимо, повлияло то, что он исполнял сказание у себя дома и для одного человека.

Как мы заметили, в самозаписи сказания «Алтын Салгын» (зап. в январе 2004 г.) В. Е. Таннагашев поблагодарил своих воображаемых читателей-слушателей, прочитавших его запись: *Мени қыырып-уққан чақыларға / Улуғ алғыш ползун!* 'Меня прочитавшие-слушавшие / Великое благодарение мое!' В другой самозаписи сказания «Алтын Коста» (зап. в феврале 2003 г.) у В. Е. Таннагашева нет обращения к своим читателям: 'Длинного сказания не укорачивал, / Короткого сказания не удлинял, / Сколько слышал-видел — записал' *Узун теп, узарбадым, / Қысқа теп, қызарбадым, / Уққан-көрген шени настым* (копия самозаписи сказания «Алтын Коста»). Однако В. Е. Таннагашев отметил, что он не сказывал, а сколько слышал-видел, записал. Об этом *кайчи* отмечал и в других своих самозаписях сказаний, отлично понимая вид исполнения, обращался соответственно к аудитории: слушающей или читающей.

Необходимо отметить, что самозаписи, выполненные В. Е. Таннагашевым, значительно сокращены по сравнению с аудиозаписями. Например, сказание «Солнце увидевшая Кюн

Кёк» («*Kүннү көрген Күн Кёк*») в самозаписи составляет 1005 стк., (разбивка на строки была произведена мной); в аудиозаписи — 1588 стк. (7).

Сокращенный объем текстов в самозаписях пояснил Д. А. Функ, опубликовавший три сказания (*Сыбазын-Олак*, *Выспоренная Алтын-Торгу*, *Кара Кан*), следующим образом: «Владимир Егорович словно торопился зафиксировать на бумаге сюжеты тех сказаний, которые кроме него уже вряд ли кто мог знать» (Шорский героический эпос, 2012: 7–8).

Также мы считаем, что самозаписи сокращались сказителем ещё и по той причине, что они записывались В. Е. Таннагашевым в полном одиночестве, без поддержки слушателей. К тому же, написанные вручную, они требуют приложения физических усилий, внимания и сосредоточенности.

Таким образом, сказителям была важна настоящая аудитория, эпическая среда, поддерживающая его в пути за алыпом. В случае одного собирателя-слушателя-гостя, *кайчи* больше как гостеприимный хозяин лично его благодарил, благословлял и одаривал удачей алып. Некоторые сказители (А. П. Напазаков) в присутствии одного собирателя или в самозаписях (В. Е. Таннагашев) вовсе упускали обращение к слушателям.

Влияние собирателя

О влиянии собирателей на сказителей известно от фольклористов и самих исполнителей. Например, сказитель С. С. Торбоков (1900–1980) в 1974 году рассказывал А. И. Чудоякову, что в 1947 году он познакомился с преподавателем Сталинского пединститута О. И. Благовещенской, которая собирала шорский фольклор: «Это стало толчком к систематическим записываниям (эпоса. — Л. А.)» (рукопись А. И. Чудоякова, архив Л. Н. Арбакаковой). Отмечу, что именно в результате общения с В. Е. Таннагашевым, по нашей неоднократной просьбе и нашему совету, он с 1999 года стал записывать свои сказания.

Собиратели, как правило, активно сотрудничали с исполнителями: выясняли значения устаревших слов, устойчивых выражений и т.д. Нам приходилось консультироваться со сказителями в переводе имен алыпов и их коней. Некоторые собиратели просили сказителей расшифровать фонозаписи сказания и сделать буквальный перевод с шорского на русский язык. Иногда собиратели, на наш взгляд, отрицательно влияли на сказителей, например, предлагая им переименовать сказание. Так, в названии сказания *Kүннү көрген Күн Кёк* (букв.: Солнце/день увидевшая Кюн Кёк) Д. А. Функ заменил слово '*көрген*' на '*көрчен*', объяснив так: «...специальное обсуждение названия этого произведения со сказителем убедило в необходимости замены данного причастия на *көрчен* (форма причастия многократная), в трактовке В. Е. Таннагашева означающего 'не видящая', 'которая не видит': сказитель утверждал, что само произведение должно называться именно так — *Kүннү көрчен Күн-Кёк*» (Сказания шорского кайчи В. Е. Таннагашева, 2014: 275–276), т. е. замена слов привела к смысловому искажению. Сказитель почему-то согласился, хотя во время нашей работы с ним он назвал это сказание *Kүннү көрген Күн Кёк* (букв.: Солнце/день увидевшая Кюн Кёк), это же название присутствует в его самозаписи. Вероятно, Д. А. Функ переименовал еще одно сказание «Чеппе Салгын» — в «*Қырық эмчектиг Қыдай-Арығ*» (Сорокагрудая Кыдай Арыг), видимо, по аналогии с записью Н. П. Дыренковой. Таким образом, собиратель (не всегда обоснованно) мог вносить изменения в названия эпических произведений.

Д. А. Функ также «помог» сказителю уточнить название сказания «Ак Кан» в «Ак Кан, имеющий три жены» (*Үш қаттығ Ақ-Қан*). Мы это же сказание «Ак Кан» записали четырежды: три — было названо сказителем по имени главного героя Ак Кан, в одно — была добавлена масть коня: «С треухим светло-каурым конем Ак Кан» (*Үш қулақтығ ақ қор аттығ Ақ Қаан*), т. е. такое название в тюрко-монгольском эпосе является традиционным, когда даётся имя богатыря и коня с характеристикой. По всей вероятности, в таком названии

подчеркивается равноправность эпических персонажей: главный герой и его конь — это, по сути, центральные действующие лица эпоса. Д. А. Функ же, видимо, решил поменять название эпоса, исходя из сюжета, где говорится о женитьбе Ак Кана на трех женщинах.

Как мы отметили выше, в 2001 г. алтайскими исследователями под руководством Т. М. Садаловой было записано от В. Е. Таннагашева сказание «*Ақ Оёңме Кёк Оёң*» про двух братьев-близнецов, которых крадут отрицательные героини, бездетные Старшая-младшая Кара Орекены, владеющие черной горой с сорока перевалами. Перед записью В. Е. Таннагашев сказал: *так, «Килин Оёңме Кёк Оёң» ысперейин* 'Так, Килин Олен и Кёк Олен отправлю'. Уже непосредственно перед исполнением он еще раз назвал сказание, где в первом имени заменил эпитет *килиң* 'бархатистый' на *ақ* 'белый': «*Ақ Оёңме Кёк Оёңни*» *ысперейин!* 'Так, Ак Олен и Кёк Олен отправлю'.

Во время перерыва сказитель, по просьбе ученых, вкратце пересказал сюжет сказания, где Ак Кана (букв.: Белый/Светлый Хан) назвал белым царем. Краткое содержание эпоса на русском языке было изложено сказителем в разговорном (просторечном) стиле. Например, про украденных детей, он сказал: «В общем, как говорится, украли пацанов!» Про уничтожение отрицательного женского персонажа Кара Орекена, он сказал: «Он ее это, но убил в общем! Поднял к небесам, отпустил на землю и убил» (аудиозапись сказания «*Ақ Оёңме Кёк Оёң*»). В будущем интересно было бы сопоставить пересказанное исполнителем сказание с оригинальным текстом.

Выводы

Таким образом, благодаря доверительному общению со сказителями в домашней обстановке нам удалось прояснить некоторые темные места текстов, выяснить значение архаичных слов и выражений. Стараясь не обидеть в своем доме собирателя, сказители соглашались с мнением записывающего о переименовании сказания.

Исполняя *алынтыг ныбак* для одного слушателя-собирающего в дневное время, сказители по разным причинам (настроение, спешка, приезд гостей и т. д.) сокращали исполнение, что, несомненно, сказывалось и на качестве содержания эпоса. Исполняя сказания в искусственной обстановке, специально для собирателя, *кайчи* оказавшись вне эпической среды, не чувствовали себя в единении со своими слушателями, что сказывалось на ремарках сказителей, на традиционной поэтике сказаний.

Литература:

- Алтын-Арыг: Хакасский героический эпос./Зап., подгот. текста, вступ. ст., пер и коммент. В. Е. Майногашевой. Москва: Наука, 1988. 592 с.
- Вербицкий В. И.** Алтайские инородцы / Этнографический отд. Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Моск. ун-те. Москва, 1893. 270 с.
- Казагачева З. С.** Алтайские героические сказания «Очы-Бала», Кан-Алтын». (Аспекты текстологии и перевода). Горно-Алтайск, 2002. 352 с.
- Миненок С. А.** Видеофиксация фольклора (Некоторые особенности и примеры) // Фольклор. Комплексная текстология. М.: Наследие, 1998. 320 с. (С.182–192).
- Назаренко Р. Б.** О средствах музыкальной выразительности в шорском героическом эпосе «Кан Перген» // Шорские героические сказания. Кан Перген. Алтын Сырык. М., Новосибирск: Наука, 1998. С. 34–45.
- Путилов Б. Н.** Эпическое сказительство: типология и этническая специфика. М: Издательская фирма «Восточная литература РАН», 1997. 295 с.
- Радлов В. В.** Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. СПб: [Тип. Имп. Акад. наук], 1866. Ч. 2. 712 с.
- Сказания шорского кайчи В. Е. Таннагашева / отв. ред. Е. Н. Кузьмина. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. 318 с.

Сыченко Г. Б. Музыкально-поэтические традиции шорского фольклора / Фольклор шорцев / Сост. Л. Н. Арбачакова. Новосибирск: Наука, 2010. 608 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 29). 608 с.

Функ Д. А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов. М.: Наука, 2005. 401 с.

Чудояков А. И. Этюды шорского эпоса. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1995. 221 с.

Шорские героические сказания / Вступительная статья, подготовка поэтического текста, перевод, комментарии А. И. Чудоякова; музыковедческая статья и подготовка нотного текста Р. Б. Назаренко. Москва, Новосибирск: Наука, 1998. 463 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 17).

Шорский героический эпос. Том 1. / Сост., подгот. к изд., статьи, пер. на рус. яз., приложения, примеч. и коммент. Д. А. Функа. Кемерово: ООО «Примула», 2010. 392 с.

Шорский героический эпос. Том 3: Сыбазын-Олак. Выспоренная Алтын-Торгу. Кара-Хан / Сост., подгот. к изд., статьи, пер. на рус. яз., приложения, примеч. и коммент. Д. А. Функа. Кемерово: ООО «Примула», 2012. 280 с.

Шорский фольклор / Зап., пер., вступ. ст., примеч. Н. П. Дыренковой. М; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 448 с.

Список источников. Рукописи шорских героических сказаний:

«Алтын Кан» («Алтын Қаан»). Зап. в 1996 г. Л. Н. Арбачаковой от А. В. Рыжкина. Фоноархив сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН (Фонд Л. Н. Арбачаковой).

«Алтын Коста» [*Алтын Қоста*]. Самозапись этого сказания (31 с.), сделанная *кайчи* в 2003 г., была передана Л. Н. Арбачаковой в Новокузнецкий литературно-мемориальный музей им. Ф. М. Достоевского в 2010 г.

«Кара Кан» («Қара Қаан»). Зап. Л. Н. Арбачаковой от В. Е. Таннагашева в 2001 г. Архив сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Фонд Л. Н. Арбачаковой).

«Кёк Торчук» (Кёк Торчук). Зап. в апреле 2001 г. Л. Н. Арбачаковой от В. Е. Таннагашева. Фоноархив сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Фонд Л. Н. Арбачаковой).

«С резвым рыжим конём Октемеш Мёке» («Ат кезиги Октемеш сар аттыг эр кезиги Октемеш Мёкке», 112 с.). Зап. в 2000 г. Л. Н. Арбачаковой от В. Е. Таннагашева. Фоноархив сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН. (Фонд Л. Н. Арбачаковой).

«С златогривым светло-серым конём Алтын Тайчы» («Алтын чаллыг ақ қыр аттыг Алтын Тайчы», 73 с.). Зап. в 1998 г. Л. Н. Арбачаковой от В. Е. Таннагашева. Фоноархив сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН (Фонд Л. Н. Арбачаковой).

«Чаш Салгын» (Чаш Салгын). Зап. в марте 2001 г. Л. Н. Арбачакова от В. Е. Таннагашева. Фоноархив сектора фольклора народов Сибири ИФЛ СО РАН (Фонд Л. Н. Арбачаковой).

Арбачакова Любовь Никитовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт филологии СО РАН, сектор фольклора народов Сибири.

Ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, Новосибирская область, 630090.

E-mail: anzass@mail.ru

Материал поступил в редакцию 16 апреля 2021 г.

L. N. Arbachakova

STORYTELLER AND COLLECTOR OF EPIC²

In this article, using examples of handwritten texts of heroic legends and self-recordings by Shor storyteller (*kaichi*), the collecting activity of the folklorist and the performance of the epic at home are considered. Performing a legend at home is a situation for *kaichi* that is directly opposite to the

² This research is carried out within the framework of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences "Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language" supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract № 075-15-2019-1884.

generally accepted tradition, when an honorary invitation followed and the performance of *alyptyg nybak* in a circle of friends and fellow villagers, who perfectly knew the epic tradition of *kai*

The storytellers needed a real audience, an epic environment that would support him on his way beyond the *alypt*. In the case of one collector-listener-guest, the *kaichi*, more like a hospitable host, personally thanked him, blessed and bestowed good luck on the *alypt*. Some storytellers (A. P. Napazakov), in the presence of one collector or in self-recordings (V. E. Tannagashev), completely missed the appeal to the audience.

In their room, the storytellers, having lost the habit of performing *kai*, felt constrained, tuned in for a long time and were forced to perform one epic from morning to dinner, sometimes until evening, if they were in no hurry to go anywhere. However, thanks to confidential communication with storytellers at home, we managed to clarify some “dark places” of the texts, to find out the meaning of archaic words and expressions.

Sometimes the collector could make changes to the names of epic works, and the storytellers, trying not to offend the guest in their home, agreed with the opinion of the person who wrote down about the renaming of the legend.

Performing *alyptyg nybak* for one listener-collector in the daytime, the storytellers, for various reasons (mood, haste, arrival of guests, etc.), reduced the performance, which undoubtedly affected the quality of the content of the epic. V. E. Tannagashev has repeatedly reported that due to the limited time, he is forced to shorten the legends, or say it by recitative.

Performing legends in an unusual situation, especially for the collector, the *kaichi*, finding themselves outside the epic environment, did not feel in unity with their listeners, which affected the narrators' remarks and the traditional poetics of legends.

Keywords: *heroic epic story, storyteller, listener, collector, performance, self-record, audio record.*

References:

- Altyn-Aryg: *Hakasskij geroicheskiy jepos* [Altyn Aryg: Hakas heroic epic stories]. Ed. and comp. Majnogasheva V. E. Moscow: Nauka, 1988, 592 p.
- Verbitskiy V. I.** Altaiskie inorodtsy/Etnographicheskii otd. Imp. ob-va lubitelei estestvoznania, antropologii i etnographii, sostoyashego pri Mosk.un-te. [Altay natives / The ethnographic Department of the Imperial Society of natural sciences, anthropology and ethnography, consisting at the Moscow University. Moscow. 1893. 270 p.
- Kazagacheva Z. S.** Altaiskie geroicheskie skazaniya “Ochy-Bala”, “Kan-Altyn”. (Aspekty tekstologii i perevoda) [Altaj heroic epic “Ochy-Bala”, “Kan-Altyn” (Aspects of textual criticism and translation)]. Gorno-Altajsk, 2002. 352p.
- Minenok S. A.** Videofixatsiya folklor (Nekotorye osobennosti i primery) [Video recording of folklore (Some features and examples)] 182–192 p. / Folklore. Complex textual criticism. Heritage, M., 1998. 320 p.
- Nazarenko R. B.** O sredstvakh muzykalnoi vyrazitel'nosti v shorskoy geroicheskoj epe “Kan Pergen” [On the Means of Musical Expression in the Shor heroic epic “Kan Pergen” (Shor heroic epic. Kan Pergen. Altyn Syryk)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1998. 34–45 p.
- Putilov B. N.** Epicheskoe skazitel'stvo: tipologiya i etnicheskaya spetsifika. [Epic storytelling: typology and ethnic specific]. Moscow: Publishing company “Oriental literature RAN”, 1997. 295 p.
- Radlov V. V.** Obraztsy narodnoy literatury turkskikh plemen, zhivushikh v Uzhnoi Sibiri i Dzhungarskoi stepi. [Samples of national literature of Turkic tribes, living in South Siberia and Dzhungar steppe]. SPb: Empire Academy of science publishing, 1866. V. 2. 712 p.
- Skazaniya shorskogo kajchi V. E. Tannagasheva [Story of Shor kaichi V. E. Tannagashev] Chief editor E. N. Kuz'mina. Novosibirsk: RITS NGU, 2014. 318 p.
- Sychenko G. B.** Musykalno-poeticheskie traditsii shorskogo folklor (Musical and poetic traditions of Shor folklore) Folklore of the Shor people]. Compiled by L. N. Arbachakova. (Pamyatniki folklor narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Tom 29 [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East. Vol. 29]) Novosibirsk: Nauka Publ., 2010, 608 p.
- Folklor shorzev [Folklore of the Shor people]. Compiled by L. N. Arbachakova. (Pamyatniki folklor narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Vol. 29 [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East. Vol. 29]). Novosibirsk: Nauka Publ., 2010, 608 p.

Funk D. A. Miry shamanov i skaziteley: kompleksnoe issledovanie teleutskikh i shorskikh materialov [The worlds of shamans and story-tellers: complex research Teleut and Shor materials]. M.: Nauka, 2005. 401 p.

Chudoyakov A. I. Etudy shorskogo eposa [study of Shor epic]. Kemerovo: Kemerovo book publishing, 1995. 221 p.

Shorskie geroicheskie skazaniya. [Shor heroic stories]. Introduction, preparation of the poetic text, Russian translation and comments by A. I. Chudoyakov; musicology article and preparation of the notes by R. B. Nazarenko. (Pamyatniki folklora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Tom 17. [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East, vol. 17.]). Moscow, Novosibirsk: Nauka, 1998. 463 p.

Shorskij geroicheskij epos, vol. 1. [Shor heroic epics, vol. 1]. Compilation, editing, translation, introductory articles, comments and endnotes by D. M. Funk. Moskau, IEA RAS, 2010, 392 p.; 2nd edition. Kemerovo: Primula, 2010. 392 p.

Shorskij geroicheskij epos, vol. 3. Sybazyn-Olak. Vysporrennaya Altyn-Torgu. Kara Khan. [Shor heroic epics. vol. 3. Sybazyn-Olak. Obtained by Altyn-Torgu in a competition. Kara Khan]. Compilation, edition, translation into Russian, articles, comments and attachments by D. A. Funk. The Story-teller V. E. Tannagashev. Kemerovo, Primula, 2012, 280 p. + CD.

Shorskiy folklor [Shor folklore]. Recording, translation, introduction, notes by N. P. Dyrenkova. Moscow, Leningrad, AN USSR, 1940, 448 p.

Manuscripts of Shor heroic epic texts:

«Altyn Kan» («Altyn Kaan»). Zap. v 1996 g. L. N. Arbachakovoy ot A. V. Ryzhkina. Fonoarkhiv sektora folklora narodov Sibiri IFL SO RAN (Fond L. N. Arbachakovoy).

«Altyn Kosta» («Altyn Kosta»). Samozapis etogo skazania (31 s.) sdelannaja kaichi v 2003 g peredana L. N. Arbachakovoi v Novokuznetskij literaturno-memorialnyi musej im. Dostoevskogo v 2010 g. The archive of Novokuznetsk literature-memory F. M. Dostoevskij museum.

«Kara Kan» («Kara Kaan»). Zap. v 2001 g. L. N. Arbachakovoy ot V. E. Tannagasheva. Fonoarkhiv sektora folklora narodov Sibiri IFL SO RAN (Fond L. N. Arbachakovoy).

«Kyok Torchuk» (Kjok Torchuk). Zap. v aprele 2001 g. L. N. Arbachakovoy ot V. E. Tannagasheva. Fonoarkhiv sektora folklora narodov Sibiri IFL SO RAN (Fond L. N. Arbachakovoy).

Oktemesh sar attyg Oktemesh Mokke (S rezvym ryzhin kone'm Oktemesh Mokke). Recorded in 2000 by L. N. Arbachakova from V. E. Tannagasheva. Audioarchive of the Sector of Folklore of Peoples of Siberia of the Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Fond of L. N. Arbachakovoj).

Chash Salgyn (Čaš Salg'in) [Chash Salgyn]. Recorded in 2001 by L. N. Arbachakova from V. E. Tannagasheva. Audioarchive of the Sector of Folklore of Peoples of Siberia of the Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Fond of L. N. Arbachakovoj).

Arbachakova Ljubov Nikitovna, candidate of philology, senior research fellow.

RAS, Siberian branch, Institute of Philology, Department of Folklore.

8 Nikolaeva st., Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: anzass@mail.ru